ПРАВО

УДК 343.13

О.В. Качалова, В.И. Качалов

ЗНАЧЕНИЕ КАТЕГОРИИ «ОБОСНОВАННОСТЬ ОБВИНЕНИЯ» В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Обоснованность обвинения является неперенным условием применения уголовно-процессуальных мер, существенно ограничивающих важнейшие конституционные права и свободы граждан. Обоснованность обвинения предполагает причастность лица к совершению преступления, а также факт его уголовного преследования. Ответственность за установление обоснованности обвинения несет суд, поскольку неустановление этого означает необоснованность принятого решения.

Ключевые слова: обоснованность обвинения (подозрения); причастность лица к совершению преступления; меры принуждения; суд; особый порядок судебного разбирательства.

Производство процессуальных действий и принятие процессуальных решений, существенно затрагивающих важнейшие права и свободы лиц, подвергаемых уголовному преследованию, возможно лишь при наличии предусмотренных законом оснований и условий. Как верно отмечает О.И. Андреева, «права человека... предопределяют правила, на которых строятся взаимоотношения между личностью и должностными лицами государственных органов в уголовном процессе» [1. С. 10]. Одним из условий ограничения важнейших прав и свобод лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, является обоснованность этого преследования, наличие уголовно-правовой претензии к данному лицу, а также конкретных сведений и фактов, облаченных в процессуальную форму, подтверждающих факт причастности лица к инкриминируемому ему преступлению. Обоснованность уголовного преследования, а также наличие процессуальных сведений, подтверждающих причастность лица к совершенному преступлению, представляют собой обоснованность подозрения либо обвинения – в зависимости от этапа уголовного судопроизводства. Фактически обоснованность подозрения и обоснованность обвинения – синонимичные понятия, они различаются лишь объемом уголовно-правовой претензии, определяющей процессуальный статус лица в качестве подозреваемого или обвиняемого. Обоснованность обвинения по смыслу ст. 171 УПК РФ более емкое понятие, поскольку предполагает наличие достаточных доказательств, дающих основание для обвинения лица в совершении преступления.

В интерпретации Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) обоснованность подозрения и обоснованность обвинения не разграничиваются, ЕСПЧ в своих решениях пишет об обоснованности подозрения, поскольку использует юридические термины в автономном значении (без четкой привязки к национальным уголовно-процессуальным законам государств – членов Совета Европы).

В большинстве случаев уголовно-процессуальный закон прямо не указывает на обоснованность подозрения (обвинения) как необходимое условие при применении мер принуждения (заключения под стра-

жу, домашнего ареста, запрета определенных действий, отстранения от должности, наложения ареста на имущество и др.). Однако по смыслу тех серьезных правоограничений, с которыми сопряжено их применение, данные принудительные меры могут применяться лишь при наличии серьезных оснований предполагать причастность лица к совершению преступления, поскольку ограничение важнейших конституционных прав граждан, которые в силу презумпции невиновности являются невиновными в совершении преступления, возможно лишь в исключительных случаях. Это означает, что, принимая решения о применении процессуально-принудительных мер, суд в каждом случае должен установить, в первую очередь, обоснованность подозрения (обвинения), а потом уже наличие оснований для применения этих мер. Суд не должен ограничиваться наличием формальных оснований для применения процессуально-принудительных мер, а установить обоснованность уголовного преследования лица. В противном случае судебный контроль за ограничением важнейших конституционных прав и свобод граждан будет носить формальный и половинчатый характер, что не соответствует его сути и предназначению.

Обоснованность подозрения (обвинения) оценивается судом по смыслу ст. 17 УПК РФ по внутреннему убеждению, основанному на законе и совести.

Оценка судом обоснованности подозрения является одним из обстоятельств, оцениваемых ЕСПЧ при рассмотрении жалоб на нарушения права на свободу, предусмотренного ст. 5 Европейской конвенции. Обоснованность подозрения в силу подпункта «с» п. 1 ст. 5 Конвенции является ключевым условием, которое, наряду с другими основаниями, делает возможным ограничение права на свободу. Подозрение считается обоснованным тогда, когда сторонний разумный наблюдатель, рассматривая факты дела, приходит к выводу, что лицо, о котором идет речь, могло совершить инкриминируемое преступление [2]. Выводы об отсутствии обоснованного подозрения были сделаны ЕСПЧ в следующих ситуациях: при наличии исключительно ничем более не подкрепленной оперативной информации о том, что заявитель вовлечен в торговлю оружием [3], криминальную деятельность

мафиозных структур [2]; в заявлении потерпевшего о совершенном в отношении него преступлении не был упомянут обвиняемый [4]; потерпевший указывает, что не писал заявления о совершении обвиняемым преступления (при наличии его в деле); в заявлении потерпевшего имя обвиняемого было упомянуто по указанию сотрудника полиции при принятии заявления [4]; суды указывают на «материалы дела», если в данных материалах отсутствуют какие-либо доказательства, свидетельствующие о причастности обвиняемого к преступлению [5]; вмененные обвиняемому действия не содержат в себе состава преступления в момент их совершения [6].

Согласно позиции Верховного Суда РФ, обоснованность подозрения предполагает наличие достаточных данных о том, что лицо могло совершить преступление (лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения; потерпевший или очевидцы указали на данное лицо как на совершившее преступление; на данном лице или его одежде, при нем или в его жилище обнаружены явные следы преступления и т.п.) [7]. Причастность лица к совершению преступления может подтверждаться наличием постановления о возбуждении уголовного дела и привлечении лица в качестве обвиняемого, протоколами задержания, допросов обвиняемого, потерпевшего, свидетелей, иными материалами.

Однако не всегда наличие таких материалов само по себе может свидетельствовать об обоснованности подозрения. Представленные материалы должны содержать конкретные фактические данные о причастности лица к инкриминируемому ему деянию и обладать свойством относимости.

Так, например, постановлением Советского районного суда г. Казани отказано в удовлетворении ходатайства о заключении под стражу С. Уголовное дело в отношении группы лиц, в том числе С. – председателя совета директоров коммерческой организации «У», было возбуждено в связи с пожаром в принадлежащем этой организации здании торгового комплекса «А». Принятое решение суд мотивировал тем, что в качестве доказательств обоснованности подозрения в причастности С. к инкриминируемому ему преступлению суду представлены копии допросов свидетелей и документы, свидетельствующие только о факте пожара в результате нарушения норм пожарной безопасности, однако не представлены данные о том, что коммерческая организация «У» имеет какое-либо отношение к эксплуатации торгового комплекса «А», ведет на объекте какую-либо производственную деятельность и оказывает услуги, а С. является должностным лицом, ответственным за нарушение требований пожарной безопасности на данном объекте [8].

Если суд не провел необходимого исследования фактов дела с целью проверки обоснованности подозрения, то это является нарушением как подпункта «с» п. 1 ст. 5 Европейской конвенции, так и существенным нарушением уголовно-процессуального закона, влекущим отмену принятого решения.

Так, например, Рузский районный суд Московской области в постановлении о заключении под

стражу Б., подозреваемого в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ, ничего не указал относительно обоснованности подозрения Б. в совершении преступления. Принятое решение суд мотивировал тяжестью преступления и данными о личности Б., которые, по его мнению, свидетельствуют о невозможности избрания более мягкой меры пресечения. Апелляционным постановлением Московского областного суда постановление отменено, так как суд первой инстанции не проверил обоснованность подозрения Б. в совершении преступления [9].

Согласно позиции ЕСПЧ, наличие обоснованного подозрения должно иметь место в течение всего периода предварительного заключения обвиняемого [5]. Очевидно, что в ходе расследования могут быть установлены обстоятельства, как усиливающие обоснованность подозрения, так и делающие его менее обоснованным. Поэтому данный вопрос подлежит исследованию при каждом продлении меры пресечения в отношении обвиняемого, а также при рассмотрении его ходатайств об изменении меры пресечения на более мягкую. Общий принцип заключается в том, что чем дольше человек содержится под стражей, тем сильнее должно быть «обоснованное подозрение». В ходе расследования должны появляться новые доказательства, подтверждающие его.

При продлении заключения под стражу в отношении лица, которому уже предъявлено обвинение, суды в решениях нередко указывают на наличие обоснованного обвинения как необходимого условия предварительного заключения, поскольку лицо уже не является подозреваемым. Случается, что такие решения изменяются судом апелляционной инстанцией, который исключает из судебных актов выводов о наличии обоснованного обвинения ввиду того, что суд не вправе входить в обсуждение обоснованности или доказанности предъявленного обвинения. Такой подход представляется принципиально неверным.

Во-первых, само по себе исследование доказательств для определения наличия обоснованного обвинения не нарушает ни презумпцию невиновности, ни принцип беспристрастности судей (в случае, если тот же судья в последствии будет рассматривать уголовное дело по существу) [10]. Суд вправе ограничиться более поверхностным изучением доказательственной базы. Стандарт доказывания «обоснованного обвинения» для целей ареста значительно более низкий, чем стандарт доказывания для разрешения уголовного дела по существу [11]. Согласно позиции Конституционного Суда РФ, факты, обосновывающие подозрение при заключении под стражу, не обязательно должны обладать той же степенью убедительности, что и те, которые необходимы для предъявления обвинения [12].

Во-вторых, отсутствие выводов суда об обоснованности подозрения или обвинения – прямой путь к признанию ЕСПЧ нарушения права на свободу. Безусловно, в решении не должно содержаться прямого или косвенного указания на виновность лица; следует избегать формулировок, которые могут создать у сторон впечатление о предрешенности вопроса о винов-

ности обвиняемого [13]. Однако проверить наличие на момент продления заключения под стражу данные об обоснованности подозрения или выдвинутого обвинения, не исключающего возможность заключения под стражу в качестве меры пресечения, убедиться в том, что квалификация не изменилась в более мягкую сторону, суд обязан.

Обоснованность подозрения (обвинения) по смыслу уголовно-процессуального закона и ряда положений Конституции РФ должна устанавливаться судом и при применении иных принудительных мер и процессуальных действий, существенно затрагивающих важнейшие конституционные права и свободы граждан.

Решения о санкционировании судом следственных действий, затрагивающих важнейшие конституционные права и свободы граждан, могут приниматься как перед осуществлением следственных действий (в обычном порядке), так и после них (в исключительном порядке) [14. С. 10]. И в том, и в другом случае суд должен установить обоснованность подозрения (обвинения) лица в совершении преступления (в случае, если оно установлено). Как верно пишет М.В. Беляев, непременным условием для принятия процессуально-принудительных решений, позволяющих осуществлять производство следственных действий, затрагивающих важнейшие права и свободы участников уголовного судопроизводства, является установление судом наличия уголовно-правовой претензии к лицу, подвергаемому уголовному преследованию. Как правило, это выражается в установлении обоснованности подозрения – возможности совершения лицом инкриминируемого ему преступления [15. С. 345–346].

В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 июня 2017 г. № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)» [16] указывается на документы, необходимые суду для рассмотрения ходатайства, среди которых копии постановлений о возбуждении уголовного дела и принятии уголовного дела к производству, о продлении срока предварительного расследования, о возобновлении производства по уголовному делу, материалы, подтверждающие наличие оснований для производства следственного действия, и др.). Полагаем, что исследование этих материалов позволяет суду установить наличие связи между подозреваемым (обвиняемым) и инкриминируемым ему деянием. Однако прямо указанных в данном постановлении документов может быть недостаточно. Этот перечень может быть дополнен постановлением о привлечении лица в качестве обвиняемого, протоколами задержания, допросов обвиняемого, потерпевшего, свидетелей, иными материалами, подтверждающими причастность лица к совершению преступления, без установления которой осуществление действий принудительного характера в отношении лица будет необоснованным.

Так, например, рассматривая вопрос о законности производства обыска в квартире подозреваемого Р.,

суд исследовал копии постановления о возбуждении уголовного дела, протокола допроса потерпевшей, протокола вручения подозреваемому копии уведомления о подозрении в совершении преступления, протокола допроса подозреваемого и другие документы [17].

Ключевое значение имеет категория «обоснованность обвинения» при рассмотрении уголовного дела в особом порядке судебного разбирательства, предусмотренном главой 40 УПК РФ. В упрощенном виде формула особого порядка судебного разбирательства может быть выражена следующим образом: отсутствие спора сторон обвинения и защиты в условиях состязательного процесса при разделении процессуальных функций при определенных условиях влечет за собой констатацию судом факта никем не оспариваемой и не вызывающей сомнений виновности лица в совершении преступления и назначение наказания [18. С. 198]. Непременным условием, при котором суд может рассмотреть уголовное дело в упрощенном порядке, является обоснованность обвинения и его подтверждение собранными по делу доказательствами. Необоснованность обвинения исключает возможность рассмотрения дела в особом порядке.

Так, по уголовному делу в отношении М. в обвинении не было указано, какие именно фразы были истолкованы как угроза и в чем выражались его действия. Суд не учел, что ч. 1 ст. 119 УК РФ вменена излишне, к тому же обвинение в этой части не конкретизировано. В результате вышестоящим судом приговор был изменен [19].

Судья вправе назначить рассмотрение уголовного дела в особом порядке, помимо прочих условий, установленных законом, лишь убедившись в достаточности доказательств, подтверждающих виновность обвиняемого. В этой ситуации обоснованность обвинения рассматривается в неразрывном единстве с достаточностью доказательств, подтверждающих виновность лица в совершении преступления. При этом суд должен убедиться в доброкачественности каждого из доказательств, их непротиворечивости, определить их содержание, проверить подтвержденность обвинения собранными по делу доказательствами, не содержащими процессуальных изъянов, прийти к выводу о том, что совокупность собранных по делу доказательств является достаточной для вынесения обвинительного приговора. Невыполнение этого требования признается фундаментальным нарушением уголовно-процессуального закона, поскольку объективно сопряжено с нарушением права подсудимого на справедливое судебное разбирательство и тем самым предопределяет невозможность вынесения законного, обоснованного и справедливого приговора [20. С. 20].

Условия установления обоснованности обвинения в разных процессуальных ситуациях существенно различаются. При разрешении вопроса о применении заключения под стражу и иных мер пресечения обоснованность подозрения (обвинения) устанавливается в рамках судебного заседания в условиях состязательности с участием сторон. Как верно отмечает Д.В. Гурин, принятие обоснованных индивидуализированных решений о применении мер пресечения не-

возможно вне состязательной судебной процедуры, предусматривающей гарантии беспристрастного и справедливого рассмотрения доводов сторон, находящихся в равном положении [21. С. 274]. О.И. Андреева и Т.В. Трубникова справедливо отмечают, что активное противоборство спорящих сторон является и должно являться наиболее эффективным способом достижения целей уголовного процесса. Реализация прав и исполнение обязанностей сторонами, отстаивающими частные и публичные интересы, влияют на принятие судом законного и обоснованного решения по делу [22. С. 194]. Стороны имеют реальную возможность присутствия и активного участия в судебном заседании по вопросу об избрании и продлении меры пресечения в виде заключения под стражу (ч. 13 ст. 109 УПК РФ). На суд в силу осуществляемой им функции возлагается ответственность за обеспечение равенства и состязательности сторон в этом судебном заседании. Бремя доказывания обоснованности подозрения (обвинения) возлагается на сторону обвинения, обвиняемый не обязан доказывать свою непричастность к совершенному преступлению.

В случае, если стороной обвинения соответствующие материалы не были представлены для исследования в судебном заседании, суд не вправе считать установленной обоснованность подозрения (обвинения) и, соответственно, удовлетворить ходатайство следователя о заключении под стражу либо продлении ее сроков. Ходатайства стороны защиты об исследовании показаний свидетелей, которые могут оказать существенное влияние на разрешение вопроса о наличии либо отсутствии обоснованного подозрения, должны быть удовлетворены судом в случае, если они обоснованы, мотивированы и имеют непосредственное отношение к рассматриваемому вопросу. По смыслу уголовно-процессуального закона ходатайства, имеющие значение для разрешения дела, подлежат удовлетворению. При исследовании представленных материалов суд не вправе входить в обсуждение вопроса о виновности лица, он может лишь устанавливать наличие либо отсутствие оснований и условий для заключения лица под стражу, в том числе наличие обоснованного подозрения.

В иных процессуальных условиях обоснованность подозрения (обвинения) устанавливается при даче судом разрешения на производство процессуальных действий в порядке ст. 165 УПК РФ. В судебном заседании для разрешения вопросов о производстве осмотра жилища при отсутствии согласия проживающих в нем лиц, о производстве обыска и выемки в жилище, о производстве выемки заложенной или сданной на хранение в ломбард вещи, о производстве обыска, осмотра и выемки в отношении адвоката, о производстве личного обыска, о производстве выемки предметов и документов, содержащих государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну, а также предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах граждан в банках и иных кредитных организациях, о наложении ареста на корреспонденцию, разрешении на ее осмотр и выемку в учреждениях связи, о наложении ареста на имущество, о контроле и записи телефонных и иных

переговоров о получении информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами вправе участвовать лишь ряд участников процесса со стороны обвинения – прокурор, следователь и дознаватель. Вопрос разрешается в отсутствие состязательности. Такой подход законодателя вполне обоснован: в отличие от мер пресечения, носящих обеспечительный характер, вышеуказанные действия направлены преимущественно на собирание доказательств, дача разрешения на их проведение в условиях тайны следствия без участия сторон обеспечивает их дальнейшую результативность. В этой ситуации деятельность суда по установлению причастности лица к совершению преступления приобретает особо важное значение, поскольку именно суд должен исключить возможность осуществления действий, существенно затрагивающих важнейшие конституционные права и свободы лиц, непричастных к преступлению. В случае, если принудительные действия затрагивают лиц, не являющихся участниками уголовного судопроизводства (например, обыск у третьих лиц), суд должен устанавливать обоснованность обвинения (подозрения), а также наличие связи между подозреваемым (обвиняемым) и лицом, у которого будет проведен обыск.

В принципиально иных процессуальных условиях устанавливается обоснованность обвинения при назначении судебного разбирательства в особом порядке, предусмотренном главой 40 УПК РФ. В этой ситуации процессуальный спор между сторонами отсутствует, обвиняемый соглашается с предъявленным обвинением, не оспаривает ни обоснованность обвинения, ни его доказанность, и заявляет ходатайство о рассмотрении уголовного дела в особом порядке. Обоснованность обвинения устанавливается судом вне рамок судебного заседания в отсутствие сторон. В условиях, исключающих состязательность, непосредственность и устность, судья знакомится с письменными доказательствами, закрепленными в материалах уголовного дела. В такой ситуации особенно важное значение приобретает мыслительная гносеологическая деятельность судьи по оценке имеющихся в деле доказательств [20. С. 27].

Таким образом:

1. Обоснованность подозрения (обвинения) содер­жательно означает обоснованность уголовного преследования, наличие уголовно-правовой претензии к лицу, а также наличие процессуальных сведений, подтверждающих причастность лица к совершенному преступлению.

2. Обоснованность подозрения и обоснованность обвинения – синонимичные понятия, они различаются лишь объемом уголовно-правовой претензии, определяющей процессуальный статус лица в качестве подозреваемого или обвиняемого.

3. Наиболее серьезные процессуально-принудительные меры в отношении подозреваемых и обвиняемых могут применяться лишь при установлении судом обоснованности выдвинутого подозрения (обвинения), поскольку ограничение важнейших конституционных прав граждан, которые в силу презумпции невиновности являются невиновными в совершении

преступления, возможно лишь в исключительных случаях при наличии серьезных оснований.

4. Обоснованность обвинения (подозрения) устанавливается при наличии достаточных данных о том, что лицо могло совершить преступление, и подтверждается постановлением о возбуждении уголовного дела и привлечении лица в качестве обвиняемого, протоколами задержания, допросов обвиняемого, потерпевшего, свидетелей, иными материалами.

5. В процессуальном смысле условия установления обоснованности обвинения существенно различаются. При разрешении вопроса о применении заключения под стражу и иных мер пресечения обоснованность подозрения (обвинения) устанавливается в рамках судебного заседания в условиях

состязательности с участием сторон. При даче судом разрешения на проведение следственных и иных процессуальных действий в порядке ст. 165 УПК РФ вопрос в целях обеспечения тайны следствия разрешается в отсутствие состязательности с возможным участием лишь прокурора, следователя и дознавателя. Обоснованность обвинения при назначении судебного разбирательства в особом порядке, предусмотренном главой 40 УПК РФ, устанавливается судом вне рамок судебного заседания в отсутствии сторон. В любой из вышеперечисленных ситуаций ответственность за установление обоснованности обвинения несет суд, поскольку неустановление этого означает необоснованность принятого решения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева О.И. Концептуальные основы соотношения прав и обязанностей государства и личности в уголовном процессе Российской Федерации и их использование для правового регулирования деятельности по распоряжению предметом уголовного процесса : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 2007. 49 с.
2. Постановление ЕСПЧ от 06.04.2000 г. «Лабита (Labita) против Италии» [Большая палата], № 26772/95, § 155.
3. Постановление ЕСПЧ от 08.10.2009 г. «Лазороски (Lazoroski) против Бывшей югославской Республики Македония», № 4922/04, § 48.
4. Постановление ЕСПЧ «Степуляк (Stepuleac) против Молдавии», § 70.
5. Постановление ЕСПЧ от 22.05.2014 г. «Ильгар Маммадов (Ilgar Mammadov) против Азербайджана», № 15172/13, § 97.
6. Постановление ЕСПЧ от 27.11.2012 г. «Хачатрян и другие (Khachatryan and Others) против Армении», № 23978/06, § 136.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 г. № 41 (ред. от 24.05.2016 г.) // СПС КонсультантПлюс.
8. Архив Советского районного суда г. Казани за 2017 г.
9. Обзор практики рассмотрения судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока содержания под стражей (утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 18.01.2017 г.) // СПС КонсультантПлюс.
10. Постановление ЕСПЧ от 13.06.2013 г. «Роменский (Romenskiy) против России», № 22875/02, § 27.
11. Постановление ЕСПЧ от 27.11.1997 г. «К.-Ф. (K.-F.) против Германии», № 25629/94, § 57.
12. Определение Конституционного Суда РФ от 12.07.2005 г. № 330-О // СПС КонсультантПлюс.
13. Постановление ЕСПЧ от 31.01.2017 г. «Вахитов и другие (Vakhitov and Others) против России», № 18232/11 §§ 67-71.
14. Подольский М.А. Судебные решения в досудебном производстве по уголовному делу: вопросы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2010. 25 с.
15. Беляев М.В. Судебные решения в российском уголовном процессе: теоретические основы, законодательство и практика : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. 453 с.
16. Российская газета. 2017. 9 июня.
17. Постановление о проверке законности обыска в жилище № 3/6/2018 // Архив Октябрьского районного суда г. Белгорода за 2018 г.
18. Качалова О.В., Качалов В.И. Право на справедливое судебное разбирательство и особый порядок судебного разбирательства: есть ли коллизия? // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 445. С. 197–202.
19. Справка по результатам обобщения практики рассмотрения судами Челябинской области уголовных дел в порядке главы 40 УПК РФ // Сайт Челябинского областного суда. URL: http://www.chel-oblsud.ru/upload/file/reviews/criminal/reviews_on_criminal_cases_1.doc
20. Качалова О.В. Виды ускоренного производства в российском уголовном процессе. М. : Юрлитинформ, 2016. 243 с.
21. Гурин Д.В. Совершенствование уголовно-процессуального законодательства и правоприменительной практики в свете постановлений Европейского Суда, касающихся соблюдения ст. 5 Конвенции: достижения и перспективы // Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека № 1 (2019).
22. Андреева О.И., Трубникова Т.В. Принятие судом решения о наличии в деянии лица злоупотребления правом и его последствия // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 438. С. 194–200.

Статья представлена научной редакцией «Право» 18 апреля 2020 г.

Meaning of the Category “Validity of the Charge” in Criminal Proceedings

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 462, 218–223.

DOI: 10.17223/15617793/462/26

Oksana V. Kachalova, Russian State University of Justice (Moscow, Russian Federation). E-mail: oksana_kachalova@mail.ru

Viktor I. Kachalov, Russian State University of Justice (Moscow, Russian Federation). E-mail: okukel@yandex.ru

Keywords: validity of charge (suspicion); person’s involvement in crime commission; coercive measures; court; special procedure of proceedings.

The aim of the article is to identify the meaning of the category “validity of the charge” in criminal proceedings and the scope of its application. After analyzing the content and legal essence of this category, as well as procedural situations in which it is necessary to establish the validity of the charge, the authors come to the following conclusions. Any coercive measures against suspects and accused persons can be applied only if there are serious grounds to assume that a person is involved in the commission of a crime since the restriction of the most important constitutional rights of citizens who, by virtue of the presumption of innocence, are innocent of committing a crime is possible only in exceptional cases. The validity of the charge (suspicion) assumes that a person is involved in the commission of a crime, as well as the fact of the criminal prosecution of this person. It is established if there is sufficient evidence that a person may have committed a crime (a person was caught committing a crime or immediately after it was committed; the victim or witnesses identified the person as the perpetrator of the crime; obvious traces of the crime were found on the person or their clothing, with them or in their house, etc.). The validity of the charge may be confirmed by a decision to initiate a

criminal case and bring a person as an accused, by protocols of detention, interrogations of the accused, the victim, witnesses, and other materials. In the procedural sense, the conditions for establishing the validity of the charge differ significantly. When resolving the issue of the use of detention and other preventive measures, the validity of the charge is established within the framework of a court session in the conditions of adversariality with the participation of the parties. When giving the court permission to conduct investigative and other procedural actions in accordance with Article 165 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, to ensure the secrecy of the investigation, the issue is resolved in the absence of adversariality with the possible participation of only the prosecutor, the investigator, and the inquirer. The category “validity of the charge” is significant in legal terms in a criminal case with the special order of proceedings. A prerequisite for the court to consider a criminal case in a simplified procedure is the validity of the charge and its confirmation by the evidence collected in the case. The validity of the charge in the appointment of a trial in the special order provided for by Chapter 40 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation is established by the court outside the court session in the absence of the parties. In any of the above situations, the court is responsible for establishing the validity of the charge since failure to establish it means that the decision made is unfounded.

REFERENCES

1. Andreeva, O.I. (2007) *Kontseptual'nye osnovy sootnosheniya prav i obyazannostey gosudarstva i lichnosti v ugovnom protsesse Rossiyskoy Federatsii i ikh ispol'zovanie dlya pravovogo regulirovaniya deyatel'nosti po rasporyazheniyu predmetom ugovnogo protsessa* [Conceptual foundations of the relationship between the rights and obligations of the state and the individual in the criminal procedure of the Russian Federation, and their use for the legal regulation of activities to dispose of the subject of the criminal procedure]. Abstract of Law Dr. Diss. Tomsk.
2. ECHR. (2000) *Labita v. Italy Judgment*. Application no. 26772/95, § 155.
3. ECHR. (2009) *Lazaroski v. The former Yugoslav Republic of Macedonia Judgment*. Application no. 4922/04, § 48.
4. ECHR. (2007) *Stepuleac v. Moldova Judgment*. Application no. 8207/06, § 70.
5. ECHR. (2014) *Ilgar Mammadov v. Azerbaijan Judgment*. Application no. 15172/13, § 97.
6. ECHR. (2012) *Khachatryan and Others v. Armenia Judgment*. Application no. 23978/06, § 136.
7. Consultant.ru. (2016) *Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 19, 2013, No. 41 (as amended on May 24, 2016)*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156184/. (In Russian).
8. Archive of the Soviet District Court of Kazan for 2017. (In Russian).
9. Consultant.ru. (2017) *Overview of the practice of consideration by the courts of petitions to choose a preventive measure in the form of detention and to extend the period of detention (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on January 18, 2017)*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_211320/. (In Russian).
10. ECHR. (2013) *Romenskiy v. Russia Judgment*. Application no. 22875/02, § 27.
11. ECHR. (1997) *K.-F. v. Germany Judgment*. Application no. 25629/94, § 57.
12. Consultant.ru. (2005) *Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 12, 2005, No. 330-O*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_55927/. (In Russian).
13. ECHR. (2017) *Vakhitov and Others v. Russia Judgment*. Application no. 18232/11, §§ 67–71.
14. Podol'skiy, M.A. (2010) *Sudebnye resheniya v dosudebnom proizvodstve po ugovnomu delu: voprosy teorii i praktiki* [Court decisions in pre-trial proceedings in a criminal case: Theory and practice]. Law Cand. Diss. Yekaterinburg.
15. Belyaev, M.V. (2019) *Sudebnye resheniya v rossiyskom ugovnom protsesse: teoreticheskie osnovy, zakonodatel'stvo i praktika* [Court decisions in the Russian criminal procedure: Theoretical foundations, legislation and practice]. Law Dr. Diss. Moscow.
16. *Rossiyskaya gazeta*. (2017) 9 June.
17. Archive of the Oktyabrsky District Court of Belgorod for 2018. *Postanovlenie o proverke zakonnosti obyska v zhilishche № 3/6/2018* [Resolution on verification of the legality of the search in the home No. 3/6/2018].
18. Kachalova, O.V. & Kachalov, V.I. (2019) The Right to a Fair Trial and a Special Procedure: Is There a Conflict? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 445. pp. 197–202. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/445/30
19. Chelyabinsk Regional Court. (n.d.) *Spravka po rezul'tatam obobshcheniya praktiki rassmotreniya sudami Chelyabinskoy oblasti ugovnykh del v poryadke glavy 40 UPK RF* [Report on the results of generalization of the practice of consideration by the courts of Chelyabinsk Oblast of criminal cases in the order of Chapter 40 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation]. [Online] Available from: http://www.chel-oblsud.ru/upload/file/reviews/criminal/reviews_on_criminal_cases_1.doc.
20. Kachalova, O.V. (2016) *Vidy uskorennoogo proizvodstva v rossiyskom ugovnom protsesse* [Types of accelerated proceedings in the Russian criminal procedure]. Moscow: YurLitinform.
21. Gurin, D.V. (2019) *Sovershenstvovanie ugovno-protsessual'nogo zakonodatel'stva i pravoprimeritel'noy praktiki v svete postanovleniy Evropeyskogo Suda, kasayushchikhsya soblyudeniya st. 5 Konventsii: dostizheniya i perspektivy* [Improvement of criminal procedure legislation and law enforcement practice in the light of the European Court's judgments regarding compliance with Art. 5 of the Convention: Achievements and Prospects]. *Rossiyskiy ezhegodnik Evropeyskoy konventsii po pravam cheloveka – Russian Yearbook of the European Convention on Human Rights*. 1.
22. Andreeva, O.I. & Trubnikova, T.V. (2019) A Court's Decision on the Presence of Abuse of Right in the Act of a Person and Its Consequences. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 438. pp. 194–200. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/438/26

Received: 18 April 2020